

М.Ю. Задорин, М.С. Молодцова

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТОРГОВЛИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ В ПЕРИОД С 1645 ПО 1696 гг.

Анализируются политико-правовые аспекты торговли с иностранцами на Русском Севере в XVII в. Государственная торговая политика требовала надлежащей организации промыслов, управления деятельностью торговцев, контроля и привлечения их к ответственности. В частности, раскрывается политико-правовая специфика торговой деятельности с иностранными купцами на примере такого порубежного города, как Архангельск, установлен нормативный и институциональный механизм принятия управленческих решений.

Ключевые слова: Русский Север; торговля; история; право; торговые иноземцы; Новоторговый устав; ярмарки.

Введение

В XVII в. в Московском государстве наблюдалась активизация торговой деятельности, в которой участвовали разные слои общества. Русское законодательство XVII в. связывало понятие «торговый промысел» с профессиональной деятельностью определенных лиц, которые преимущественно занимались торговлей и сопутствующими ей действиями. В правовых актах XVII–XVIII вв. их обозначали как «торговый человек», «купецкий человек», иногда с указанием группы – «гостиной сотни торговый человек» [1. С. 86]. Во многих актах термин «купец» обозначал сторону одноразовой сделки – покупателя [2. С. 55]. Понятие «купчина» или «государев купчина» означало иностранного коммерсанта или отечественного торгового представителя российского государства [2. С. 302–305, 603; 3. С. 798; 4. С. 614–615; 5. С. 483–484]. Кроме того, монастыри назначали «купчин» из числа своих крестьян для осуществления торговых поручений [6. С. 7]. В первой четверти XVIII в. все чаще в источниках появляется термин «купечество», означающий посадских «тяглецов» (горожан, обложенных налогами и повинностями), занимающихся торговлей, отличая их от посадских «цеховых» (ремесленников).

В царствование Алексея Михайловича существовали следующие группы торговых людей, различавшиеся по своему политико-правовому статусу: 1) «гости» (среди них особые «именитейшие» купцы); 2) «торговые люди гостиной и суконной сотен» (большой, средней и меньшей статьи); 3) «городовые торговые люди»; 4) «нетяглые торговые люди»; 5) «торговые крестьяне»; 6) «торговые иноземцы»; 7) «московские торговые иноземцы».

Анализируя их правовой статус, можно прийти к выводу, что эти группы отличались, прежде всего, обязанностями перед государством и, соответственно, получаемыми за это правами. Однако особый интерес представляют именно торговые иноземцы, так как именно они были одними из основных «игроков» и конкурентов на внутреннем рынке, и прежде всего на Русском Севере. Политика и законодательство того времени демонстрируют, что государственная власть XVII в. была заинтересована в поставках зарубежной продукции (текстильных изделий, оружия и т.д.) и сбыте русских товаров в Евро-

пу. Кроме того, российская экономика нуждалась в практических знаниях, накопленных западной промышленностью. Развитие торговли с европейцами соответствовало интересам царского правительства, пользовавшегося правом первоочередной покупки иностранных товаров («узорочных товаров», серебряных монет). С другой стороны, активность иностранных купцов, особенно европейцев, на русском рынке наносила ущерб торговым кругам России, которые и по финансовым возможностям и по деловым качествам заметно уступали. Европейцы подчинили себе значительную часть русского рынка, контролировали его основные отрасли, лишали русских купцов доступа к ценным товарам.

Взаимоотношения купцов и представителей власти

Во второй половине XVII в. государственное управление в сфере торговли представляло собой достаточно неэффективную систему. Большая часть торговых людей находилась, по сути, в полном распоряжении царских чиновников различных уровней, которые открыто «кормились» за их счет. Н.И. Костомаров писал, что в эпоху первых Романовых «*торговец был всегда под надзором власти... Необеспеченный законом, он был постоянно под произволом воевод, таможенных и приказных людей, которые при удобном случае не забывали пользоваться за счет купечества лихоимством*» [7. С. 94].

По свидетельству Н.И. Костомарова, воеводы и приказные под разными предлогами «*хватили торговцев, сажали в тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали насильно товары, били торговцев батогами, сталкивались с ябедниками, которые подавали челобитные на зажиточных торговцев; воеводы и подьячие, не смотря на явную лживость иска, заводили дело с тем, чтоб обирать купцов*» [12. С. 163].

И. Посошков с горечью замечал: «*Бояре не ставили купечества ни в яичную скорлупу; бывало на грош все купечество променяют*» [9. С. 10]. Анализ источников позволил установить большое число жалоб торговых людей на притеснения, постоянное вымогательство, злоупотребления со стороны управляющих.

Значительная часть торговой прибыли переходила в руки исполнителей государственной власти ли-

Правовой статус иностранных купцов

бо в виде открытых подарков в «почесть», либо в форме фиктивных займов. Правительство предпринимало некоторые меры для ограничения произвола воевод и приказных людей. Еще в 1620 г. им было не только запрещено участвовать в торговле, но даже покупать что-нибудь у посадских, включая съестную продукцию [8. С. 163]. С 1635 г. верхотурским, а в 1638 г. двинским воеводам запрещалось «вступаться» в таможенные и кабацкие дела. В 1646 г. сибирские торговые люди были освобождены от воеводского подчинения [10. С. 685]. «Корыстный» характер воеводской службы был отменен в 1656 г., но фактически сохранялся до петровских преобразований. Исследование показывает, что имелись указы воеводам, содержавшие запрет мешать торговой деятельности русских и иностранных купцов. Но по этому вопросу они были сформулированы в крайне общей форме и не были унифицированы. Вышеуказанные меры практически не исправили сложившееся положение.

С одной стороны, воеводы в рамках своих полномочий имели практически ничем не ограниченную власть; с другой стороны, за пределами своей компетенции были полностью бюрократически зависимы от московских приказов и не могли принимать самостоятельных решений даже по мелким делам, как и таможенные служащие. Приказная волокита была следствием, в частности, отсутствия уставов и регламентов учреждений, что заставляло по даже незначительному поводу просить указа у Боярской Думы или царя [11. С. 44].

Отсутствие единого управления торговыми делами, подчиненность посадского населения разным приказам серьезно препятствовали развитию торгового предпринимательства, накоплению капиталов, а значит, и пополнению казны. Требовался переход к новой системе регулирования сферы торговых отношений.

А.Л. Ордин-Нашекин отмечал необходимость учреждения «пристойного приказа» не только для управления городами, но и для защиты посадского населения от посягательств царских чиновников. Он ввел в Новоторговый устав 1667 г. положение о подчинении всех торговых людей одному Приказу большого прихода. Это ведомство должно было наблюдать за непревышением сборов, взимаемых с купцов, защищать от произвола воевод. Принцип отстранения воевод от торговых дел проведен в ст. 1, 2, 18, 35, 88 и 89 Устава.

Однако на практике злоупотребления продолжались. В 1685 г. Й.В. ван Келлер обратил внимание русского правительства на факты вмешательства местного воеводы в деловые операции на архангелогородской ярмарке, сообщив, что представители местной администрации регулируют цены, конфискуют товары и взимают незаконные пошлины [12. С. 58–83]. Указ от 14 июля 1685 г. особо запрещал двинским воеводам вторгаться в деятельность голландцев и гамбургцев [3. С. 675–677]. Это отвечало интересам государства, так как пресечение вымогательства у торговых людей уменьшало разорение плательщиков сборов.

По русскому законодательству XVI–XVII вв. «торговыми иноземцами» считались иностранцы, занятые в торговле и не состоявшие на службе у царя. Издавна сложилось право их свободного приезда на период торговли в порубежные города Московского государства, где они были обязаны проживать и торговать в специально предназначенных для этого гостиных дворах. Это разрешение напрямую касалось поморских гаваней. В первой половине XVI в. иностранцам был запрещен только морской и сухопутный проход в сибирские земли, чтобы предотвратить торговую экспансию [13. С. 70–72]. Кроме общего права торговая деятельность иностранцев в XVII в. регулировалась также международными договорами, персональными царскими жалованными, проезжими и иными грамотами, актами центральной власти. Московские государи также посылали к монархам других стран особые акты с извещением о предоставлении их подданным тех или иных таможенных и торговых привилегий. Предоставляемые права, кроме права приезда, касались отдельных народностей, торговых компаний или физических лиц, но не всех иностранцев в совокупности [14. С. 385].

Во второй половине XVII в. Россия имела небольшое число специальных торговых договоров с зарубежными странами, например, с Персией, Китаем, Францией (1629 г., но он был малоэффективен, вторая попытка заключения нового франко-русского торгового договора была в 1668 г. [7. С. 84]). Хотя, например, В.Н. Захаров утверждает, что первый в истории России торговый договор был заключен с Великобританией в 1734 г. [15. С. 298].

Чаще вопросы коммерции регулировались политическими соглашениями, в том числе мирными договорами. Так, между Россией и Швецией в 1617 г. был подписан «Столбовский мир» (договор). По его условиям подданные шведского короля могли «вольнo и беспомешно» торговать в пограничных и внутренних русских городах. Кардисский мирный договор от 21 июня 1661 г. восстановил прежнюю привилегию. Для свободной торговли было достаточно иметь проезжие грамоты «от того места начальников и приказных людей, откуда они приехали» и уплатить проезжие пошлины. Шведским торговцам разрешалось оборудовать торговые дворы в Москве, Великом Новгороде, Пскове и Переяславле [2. С. 539].

В 1655–1663 и 1685–1689 гг. велась торговодипломатическая переписка с Венецией, в том числе по поводу свободной торговли в Архангельске. Такое право было дано венецианским купцам в 1657 г. при условии уплаты обычных во всех портах пошлин [13. С. 182–183]. В 1688 г. было позволено торговать в России при соблюдении требований Новоторгового устава подданным Бранденбурга, в 1689 г. – прусским купцам [4]. А с Англией и Нидерландами в XVII в. Россия вообще не имела специальных договоров, хотя именно эти иностранцы проявляли наибольшую активность на русском рынке.

Важно отметить и то, что в дальнейшем торговые отношения с иноземцами на Русском Севере получи-

ли развитие в таком феномене, как «поморская торговля», особенно во «фронтирных» зонах [16. Р. 519–535; 17. Р. 915–927].

Вместе с тем торговые права иноземцев закреплялись не столько в межгосударственных соглашениях, сколько в российских нормативных и индивидуальных правовых актах. Они регламентировали торговлю иностранцев в пограничных и внутренних городах России, причем правила внутренней торговли отличались большей строгостью.

Индивидуальные правовые акты создавали особый привилегированный статус иностранным торговым компаниям или отдельным купцам, как правило, за серьезные заслуги перед Русским государством или исходя из финансовых, внешнеполитических и иных потребностей страны (П. Фанлютцену, Д. Артману, А. Гутману, К. Каненгитеру, И. Плюсу, О. Вульф и др.).

Жалованные грамоты давали обладателям следующие привилегии в торговой сфере: 1) свободно приезжать в порубежные и внутренние города России и свободно выезжать из страны, иметь свои суда и дощаники, на них перевозить товары; 2) торговать беспошлинно, с уплатой половины размера пошлин или только некоторых из них; 3) не давать товары в таможенных для досмотра, а только заявлять о них с подачей собственноручно заверенных росписей; 4) иметь дворы в определенных городах с освобождением от посадского тягла и постоя; 5) быть под юрисдикцией Посольского приказа и др.

Ярким примером может служить описание привилегированных условий торговли голландских купцов Адольфа и Ивана Гутманов, приведенное в статье В.Н. Захарова и М.С. Черкасовой [18. С. 97–132].

Одновременно грамоты включали требования в основном общего характера. Торговым иноземцам запрещалось: 1) передавать грамоту посторонним лицам или брать с собой подданных других государств; 2) провозить товары в обход таможи; 3) привозить чужие товары, выдавая за свои; 4) держать «закладников» (горожан или крестьян покровительством феодала) из русских людей; 5) торговать в розницу; 6) прибегать к посредничеству русских людей в торговых операциях с импортно-экспортными товарами и т.д. [14. С. 398–399].

Мелкие торговцы были заинтересованы в присутствии европейцев и неоднократно подчеркивали свое позитивное отношение, поскольку те снабжали их кредитами и ссудами, вовлекали в свои промыслы [19. С. 22–37]. Однако русская торговая элита крайне негативно воспринимала влияние иностранных предпринимателей на внутреннем рынке. Ввиду отсутствия достаточных капиталов и умений даже крупные отечественные предприниматели не могли успешно конкурировать с иноземными.

С 1620 г. русские купцы постоянно оказывали на правительство давление с целью изменить его политику в отношении иностранных торговцев. Первая челобитная была представлена царю в 1627 г., в последующем массовые челобитные повторялись: в 1635, 1637, 1639, 1642, 1646 гг. [20. С. 91–123, 21]. Терпящие убытки торговые люди Русского Севера также писали царю челобитные. Например, челобитные

1652, 1653 и 1656 гг. вологодских торговых людей на голландских купцов и иных торговых иноземцев [19. С. 22–37; 22. С. 328].

С другой стороны, и иностранные купцы, порой, не были чисты на руку, в связи с чем перечень оснований для подачи жалоб был обширным. Иностранцы скупали товары по неоправданно низким ценам непосредственно у производителей, минуя купцов, и затем, вопреки запретам, торговали ими в розницу по искусственно завышенным ценам. При лучшей организации дела, большим объемом капитала и створе иноземных торговцев это вело к нечестной конкуренции. Они использовали мелких русских торговцев в качестве подставных лиц и уходили, таким образом, от уплаты пошлин и запрета торговать в розницу, импортировали незаконно купленные казенные и другие товары, а также совершали иные махинации во время прохождения таможенных процедур и осуществления обменных операций. При этом препятствовали вывозу русскими их собственных товаров за границу.

В Новоторговом уставе 1667 г. содержались и такие новые меры ограничения иностранной торговли внутри России, как повышение пошлин. Для иноземцев в Архангельске и приграничных городах устанавливалась пошлина в размере 5% с оборота товаров, продаваемых на вес, и 4% – с оборота прочих товаров. Торговавшие на внутреннем рынке России платили дополнительную транзитную пошлину в размере 10% со стоимости товаров; еще 6% взималось при продаже товаров в российских городах. Всего, таким образом, иностранцы платили теперь пошлину более 20%, т.е. в разы больше российских купцов и московских торговых иноземцев. Такие высокие тарифы доказывают, что предназначались они для защиты интересов отечественных торговых людей.

Для торговли во внутренних городах Московского государства устанавливались особые требования, просуществовавшие до 1730-х гг. По общему правилу, для проезда с торговой целью было необходимо запрашивать в Посольском приказе проезжую грамоту в определенный город. По приезде в него иностранец был обязан взять новую грамоту. На практике западные купцы получали их не в Посольском приказе, а у властей соответствующих городов. Прибывший иностранец подвергался «распросу», местные власти могли затребовать «свидетельствованные листы», т.е. рекомендательные письма [23. С. 104]. В Москву некоторым иностранным подданным разрешалось приезжать с большими запасами и одновременно небольшой группой [2].

К 1680-м гг. русские власти согласились на компромисс, который в значительной степени восстанавливал права общины иностранных купцов и делал дифференцированные ставки таможенных пошлин наиболее важным средством благоприятствования русскому купечеству. После того как иноземцам было дозволено возвратиться в Москву, все больше их стало приезжать вообще без товаров, за которые следовало бы платить пошлины. По мнению Н.Н. Репина, основная причина была в том, что деньги и товары уже были даны в кредит русским торговым людям еще в Архангельске [24. С. 345].

Таким образом, политика русских властей по правовому оформлению отношений с европейскими коммерсантами соединяла в себе две противоположные тенденции: ограничение торговых прав на внутреннем рынке страны и закрепление государственных гарантий их нахождения в российских внешнеторговых центрах. Постепенно в политике начинает прослеживаться тенденция «русского меркантилизма», что проявилось, в том числе, в нормах Новоторгового устава 1667 г. Как отмечает Н.Н. Репин, «русские купцы к началу XVIII в. стали хозяевами внутреннего рынка страны» [25. С. 53].

Роль таможи и особых судов в регулировании торговли

Контроль обложения торговых промыслов осуществляли таможенные органы, которые к концу XVII в. стали централизованными и довольно разветвленными. Работой таможи руководили 1–2 «головы» (руководители таможенных изб, отвечавшие за сбор податей) с «товарищами», число которых зависело от размера таможи и объема торговых оборотов. В их подчинении находились «целовальники» (фискальные чиновники). Например, в 1690 г. гость А. Филатьев был направлен в Холмогоры вместе с одним из товарищей, другой товарищ отправился в Вологду, чтобы контролировать отпуск товаров, а третий – в Архангельск [13. С. 96]. В порубежных городах, в частности в Архангельске, по Торговому уставу, в ведении таможен находились торговые дела иностранных коммерсантов. Царским указом 1685 г. наблюдение за иностранными кораблями и их охрана были также возложены на таможенно. Не только Новоторговый устав 1667 г., но и многочисленные акты на его основе запрещали воеводам вмешиваться в таможенную деятельность, чтобы *«великого государя казне в сборах поруки не было»*.

Очевидно, что большое количество актов, повторяющих положения об ответственности чиновников, говорит о постоянных нарушениях запретов, о недостаточном уровне организации торговых дел. Идея подчиненности купечества одному приказу так и осталась на бумаге до времен Петра I.

В середине XVII в. своего судопроизводства не было даже у верхушки торгового люда не имели. Г. Котошихин писал: *«А кому гостем или торговым и посадским людем случитца на каких-нибудь людех искати и отвечать, и им велено искати на Москве и в городех у бояр, и у воевод, и у приказных людей, где кто ведом и судим. А своих у них судов ни в каких делах не бывает»* [26. С. 288]. В ст. 89 Новоторгового устава предполагалось рассматривать и дела торговых людей в *«одном пристойном приказе, дабы волокотою по разным приказам им, купецким людем, промысел своих не отбивать и чтоб всякой торговой промысел без волокит множился»* [27. С. 5]. Это была первая попытка создать специальный суд для купечества. Однако рассмотрение жалоб на воевод в приказе тянулось по нескольку лет. Сосредоточенность судебных дел в Москве создавала трудности и задержки в осуществлении судопроизводства.

В ст. 2 Новоторгового устава 1667 г. говорится об учреждении при Архангельской таможне особого суда: *«Всякую полную расправу у города Архангельского в торговых делах русским людем и иноземцам чинить в таможне гостю со товарищами»* [28. С. 118–119]. Такие суды впоследствии были образованы и при других таможнях, не только пограничных, но и внутренних [29. С. 44–46]. Они продолжали действовать в XVIII в. и в связи с реорганизацией системы управления перешли в подчинение местным городским органам власти и Коммерц-коллегии – вышестоящей инстанции по рассмотрению торговых дел.

Зарождение банковской и рыночной системы на Русском Севере

Значительным препятствием для развития торговли в XVII в. было отсутствие у русских купцов собственных капиталов и государственного регулирования кредитования. Небогатые посадские торговцы были вынуждены дешево отдавать свои товары иностранцам, подряжались поставлять их в определенный срок, а также нанимались в качестве комиссионеров. Все это подрывало русскую оптовую торговлю. В 1665 г. псковский воевода А.Л. Ордин-Нащокин попытался создать ссудный банк для «маломочных» купцов. Его функции должна была исполнять «земская изба», действовавшая при поддержке крупных торговцев. Чтобы мелкие купцы как можно меньше общались с зарубежными закупщиками, они могли быть агентами только богатых псковитян, могли брать у них ссуды для покупки исключительно русских товаров и в декабре и мае доставлять их в земскую избу. Причем крупные торговцы кредитовали не всех желающих, а своих свойственников или знакомых. Данный прообраз банка существовал короткое время из-за отсутствия четко разработанного плана деятельности, противодействия со стороны бояр и приказных чиновников.

На территории Русского Севера, как обоснованно считает В.Н. Булатов, рынок сложился уже к XVI в. [13. С. 162]. Во второй половине XVII в., кроме стационарной, действовали две основные формы торговли: периодическая и развозно-разносная [23. С. 163–164]. Низшей формой торговли была развозно-разносная. Она имела случайный характер, так как покупатель не мог на нее точно рассчитывать. Осуществляли ее «коробейники» (странствующие торговцы), продававшие необходимые мелкие товары. Передвижной торговлей занимались скупщики и «прасолы» (оптовые скупщики скота и съестных припасов), покупавшие товары у мелких производителей и перепродававшие их крупными партиями на ярмарках по более высокой цене [30. С. 163–164]. Специальных правовых норм, регулировавших указанную форму торговли, не было.

Более развитой формой были «торжки» и ярмарки. Периодически организуемые торги (или торжки) представляли собой места продажи сельскохозяйственной продукции, которые проходили в определенное время, обычно по праздникам, у храмов и монастырей [31. С. 48]. Они открывались с разрешения

правительства с учетом их расположения и мнения местных жителей. Как правило, они существовали при монастырях, которые добивались от властей права забирать доходы с торгов на свои нужды. Надзор за торгами и торговые сборы мог находиться в ведении казны, а торговые сборы могли быть пожалованы монастырям или частным лицам или отданы на откуп [4. С. 134–136]. Специального акта, регулировавшего функционирование торжков, не было, но отдельные вопросы их организации получили нормативное закрепление. Например, именным указ 1682 г. запрещал проводить их в воскресный день и подтверждал ранее установленный запрет торговать там казенным питьем [3. С. 485].

Торжки, расположенные на географически удобных местах, благодаря своему хозяйственному значению увеличивались и постепенно превращались в ярмарки, становясь центрами оптовой торговли. Ярмарки были главной формой торговли из-за слабости экономических связей и отсутствия прямых контактов между производством и потреблением. В XVII в. их деятельность регламентировалась сложившимися обычаями. Можно говорить о полном отсутствии общих специальных актов об организации ярмарок до начала XVIII в. Однако отдельные вопросы их функционирования (сроки, места и порядок продажи товаров, контроль совершаемых операций, взимание сборов) получили закрепление в законодательстве [2. С. 677–691; 3. С. 500; 4. С. 43–44, 111, 209–210].

В связи с удаленностью населенных пунктов друг от друга на Русском Севере было большое количество ярмарок. Например, с XVI в. такая действовала в Холмогорах, в XVII в. всероссийское значение приобрела Важская Благовещенская ярмарка. Были известны пушные ярмарки в Сольвычегодске: Алексеевская, Прокопьевская и Введенская [32]. В Архангельске проводилась одна из крупнейших в государстве ярмарок, куда ежегодно приезжали купцы из Москвы, Ярославля, Вологды, Костромы, Яренска, Сольвычегодска и других городов. Можно согласиться с высказанным в литературе мнением, что в определенном смысле крупнейшие купцы, ориентированные на внешнюю торговлю, игнорировали местные рынки на Сухондвинском пути. Несмотря на наличие лавок в Вологде, Тотьме, Устюге, Соли Вычегодской, городская торговля здесь не имела для них основополагающего значения, эти города воспринимались лишь как транзитные центры [33. С. 322–323; 34. С. 126].

Вопросы организации и работы ярмарок

О значении архангелогородской ярмарки говорит ряд документов второй половины XVII в. С середины XVII в. голландские купцы все чаще выражали недовольство тем, что она проводилась лишь в течение августа. По их просьбе с 1663 г. правительство разрешило проводить ярмарку с 1 июня до 1 сентября [35. С. 135; 36. С. 154]. Но в 1664 г. по требованию русских торговцев, стремившихся полностью продать свой товар, ее сроки были продлены после 1 сентября до прихода последних кораблей. Мотивом такого решения было стремление властей избавить русских купцов от

убытков, которые они терпели от простоя, прибывая на ярмарку задолго до иностранцев. Западноевропейские купцы ожидали, пока русские не будут готовы предложить выгодные цены, и скупали товары только в последнюю неделю. Дабы предотвратить возникавшее заговаривание рынка, местная архангельская администрация в 1667 г. предложила всем иноземцам приезжать в мае и торговать в июне, но это требование было невыполнимым. В 1667 г. Новоторговым уставом в ст. 76 окончание ярмарки опять было ограничено 1 сентября под предлогом, что суда, уплывавая поздно от Архангельска к Вологде, попадали во льды, от чего портились царские и купеческие товары [2. С. 688].

В 1671 г. несколько отечественных гостей вновь обратились к правительству с ходатайством о продлении сроков архангельской ярмарки после 1 сентября. Они ссылались на то, что русские купцы привозят товары в Архангельск в мае-июне, а западноевропейские суда прибывают лишь в августе, при этом иностранцы сначала договариваются между собой, а с русскими начинают торговать только в последние дни августа. В результате этого отечественные купцы не имеют возможности хорошо рассмотреть заграничный товар и вынуждены в спешке совершать сделки. В таких условиях они платят слишком высокую цену за покупной товар, а свой вынуждены продавать по низкой, что ведет к большим убыткам [35. С. 135]. Западные европейские купцы были против продления ярмарки после 1 сентября и требовали соблюдения установленных сроков.

В 1674 г. Посольский приказ подтвердил положение, что торги в Архангельске не могут продолжаться более 1 сентября, а нераспроданный товар не облагается пошлиной. Очевидно, русское правительство стремилось сохранить привлекательность торговли для иностранцев. На практике дата окончания торгов – 1 сентября – все равно не соблюдалась. Самые активные торги были в августе, но расчеты продолжались до конца октября, что и объясняло затягивание сроков ярмарки.

Лишь в 1678 г. русские власти сообщили голландскому резиденту в Москве, что навязывать крайний срок окончания ярмарки нельзя, и доказывали, что все проблемы проистекают из-за позднего прихода кораблей в Архангельск. Указ 1678 г. вновь подтвердил отсутствие ограничений на продолжительность ярмарки [37. С. 86–87].

В 1679 г. уже Генеральные Штаты (Франция) обратились к царю Федору Алексеевичу с просьбой об обязательном закрытии ярмарки с 1 сентября. Просьба была удовлетворена, кроме того, купцам было дозволено размещать нераспроданный товар на хранение в Архангельске до следующих ярмарочных торгов. Впрочем, и в 1679 г. торговцам в некоторых случаях было разрешено продолжать торговлю после 1 сентября.

Для управления делами ярмарки и для сбора пошлин ежегодно назначался гость. При Михаиле Федоровиче под его начальством состояли двое «таможенных голов» и выборные «целовальники» (должностные лица по сбору податей). Таможенные головы выбирались из торговых людей московской гостиной

сотни, а целовальники – двое из гостиной сотни, двое из суконной и, сверх того, «сколько пригоже» из местных жителей. После того как было замечено, что в последние целовальники выбирали даже из пахотных людей, ничего не понимавших в торговле, с 1658 г. установилось правило, что целовальников должно быть шесть, по одному из торговых людей Ярославля, Вологды, Великого Устюга, Костромы, Яренска и Сольвычегодска. Новоторговый устав 1667 г. подтвердил, что во время ярмарки в Архангельске должен находиться гость, который не подчинялся в таможенном отношении воеводе, чтобы не было ущерба сборам в казну. В помощь гостю назначались по одному представителю московских «гостиной» и «суконной» сотни (торговые люди), по два человека из вышеуказанных городов.

Торговля на ярмарке происходила оптом на кораблях без разгрузки или в гостиных дворах после разгрузки. Русские могли подвозить на судах свои товары в гавань, входить на иностранные корабли, где и производилась меновая или покупная торговля. При ней присутствовали таможенные головы или целовальники. Чиновники ходили на иностранные корабли в сопровождении «служилых людей» (лиц, несших военную и административную службу) для охраны русских торговцев и для решения споров.

Оценка происходила по весу и счету товаров. Во избежание споров иностранцы не только записывали в таможенных книгах товары, но также их цену и ставили собственноручные подписи. С 1667 г. указы требовали, чтобы на заграничные товары налагались клейма с обозначением, в каких городах и какими производителями они изготовлены. Так правительство старалось предотвратить сбыт в Россию некачественной продукции и ее подделку. Несмотря на подробное правовое регулирование полномочий таможенных служащих, часто возникали разногласия между ними и коммерсантами. Например, в 1667–1668 гг. голландцы и гамбургцы обвиняли гостей В. Шорина и А. Кириллова в многочисленных случаях злоупотреблений, связанных со сбором пошлин в Архангельске. А. Кириллов вместе с гостями В. Шориным и А. Сухановым выдвинул по адресу иноземцев ответные обвинения в том, что они противоправными коллективными действиями пытались изменить в свою пользу условия торговли (экспортно-импортные цены). По словам А. Кириллова, голландские купцы В. Меллер, Д. Хартман и их гамбургец П. Ферпоортен сговорились о снижении цен на юфть (сорта мягкой кожи), и из-за этого русские коммерсанты недополучили 15 тыс. руб. А. Кириллов конфисковал товаров на 3 195 руб. Однако товары были возвращены после заявления иностранцев, что они не были ознакомлены с положениями Новоторгового устава [37. С. 89, 98].

Западноевропейские купцы жаловались на то, что гость Иван Панкратьев в 1673 г. конфисковал товаров почти на 16 тыс. руб. у голландских и гамбургских торговцев [Там же. С. 85]. В 1665 и 1685 гг. голландские купцы жаловались, что им не дают записывать свои торги в таможенные книги [8. С. 69, 72].

В ответ на жалобы правительство посылало в таможенные акты, предписывающие необходимость соблюдения законодательства.

Создание гостиных дворов как средство фискального надзора

Оптовая периодическая торговля сосредотачивалась на гостиных дворах, розничная стационарная – в рядах (рыбном, охотном, мясном и др.). По установленным дням в крупных городах действовали рынки, куда свозились товары с ближайших деревень.

Еще со времен Ивана III было установлено для приезжих купцов обязательное правило осуществлять оптовую торговлю на гостиных дворах [38. С. 389]. В каждом посаде, где велась привозная торговля, был один или несколько гостиных дворов. Если его не было, то приезжим предписывалось складывать товары и торговать в рядах и амбарах, но только оптом [4. С. 148]. В гостинном дворе была возможность найти безопасное жилье на время торгового сезона, хранить и взвешивать товары, оформлять сделки. Двинская таможенная грамота 29 марта 1588 г. подтверждает обязанность иногородних купцов останавливаться только на холмогорском гостинном дворе и торговать там же.

Соборное Уложение 1649 г. в ст. 36 гл. XIX указывало всем приезжим в Москву торговать в гостинном дворе, а не в рядах. Если же у приезжих были собственные или наемные лавки, в которых продавались товары, но не было дворов, то им также предписывали торговать в гостинном дворе, а лавки в рядах продать тягловым жителям столицы [2. С. 113–114].

В XVII в. России были и частные гостиные дворы. Например, шведские были в Москве и Новгороде. С началом русско-шведской войны 1656–1661 гг. они были взяты в казну. В 1662 г. их вернули, и до начала Северной войны они действовали непрерывно. В 20–40-х гг. XVII в. существовали гостиные дворы английской торговой компании в Москве, Архангельске, Холмогорах, Вологде и Ярославле, большинство которых она была вынуждена продать из-за высылки в 1649 г. англичан из внутренних районов России в порубежные города. В 1630-е гг. были восстановлены любекские дворы в Новгороде и Пскове [39. С. 188–193].

Явившийся на государственный гостинный двор купец должен был внести определенные виды платы: «избная» за помещение для себя лично и «лавочная» (или «амбарная») за помещение для товара. Часто гостиные дворы были «на откупах» (монополизированы) у торговых людей, иногда «брали на откуп» какую-то одну статью доходов, например, «поворотную пошлину» (за вывоз товара с гостинного двора) [8. С. 131].

Русскому правительству было выгодно сосредотачивать торговлю приезжих коммерсантов в гостиных дворах. Скорее всего, основная цель данного правила заключалась в держании всех коммерческих отношений под фискальным надзором, чтобы собрать максимальное количество пошлин и не допустить бескон-

трольные торговые операции «на жилецких дворах» (не относящихся к «служилым людям»). Обоснование необходимости становится на гостиных дворах указывалось в различных актах. Например, в данном в июне 1681 г. наказе большой Московской Таможне было предписано товары к себе во двор не свозить, а складывать на гостиных дворах, в амбары или лавки, чтобы не было возможности укрыть их от таможенного контроля. Всех нарушивших эти правила русских и иностранных торговых людей ждало суровое наказание вплоть до смертной казни [3. С. 320–325].

Находясь на дворе под постоянным контролем, иноземные купцы с трудом могли скрыть товары и не могли вести противозаконную для иностранцев розничную торговлю, были вынуждены производить только оптовую торговлю, оставляя русским торговцам посредническую прибыль от перепродажи иноземных товаров. Указы запрещали пускать в гостиные ряды мелочных торговцев: крестьяне и ремесленники могли продавать свои товары только оптом купцу. Тем самым наличие таких мест обеспечивало интересы государства и русского купечества.

Торговля вне гостиных дворов запрещалась. Только тем, кто привозил свои товары на судах, санях или возах, разрешалось продавать их оптом, не выкладывая, но с уплатой дворникам гостиного двора поворотной пошлины. Однако в разных местах существовали свои правила, основанные на местных торговых обычаях и особых уставных грамотах [40. С. 337]. Например, в Каргополе обязательным условием была ценность товара не более 2 руб. Если торговец не хотел торговать в самой огороженной части, то мог складывать товар в частных домах при уплате дворникам гостиного двора «теплого» (платы за тепло, приготовление еды, продукты, скатерти и т.д.). По указу 1681 г. разрешалось покупать оптом хлеб у приезжих с саней и возов. Многие оптовые торговцы, не принадлежащие к посаду, и монастыри имели на посадах свои дворы, пользовались правом складывать в них свои товары и торговать ими [8. С. 131–132].

В действительности торговля шла и за пределами обусловленного места. Правительство пыталось с этим бороться, что отражалось в указах о запрещении торговать в «неуказанных местах» и установлении ответственности для тех местных жителей, кто пускал на свои дворы приезжих с товарами. Однако все равно *«приезжие иноземцы... мимо гостиных дворов у себя на дворах тайне товары держали, також и в порубежных городех мимо гостиных дворов от себя врознь всяким людям продавали... от чего русские люди в разоренье пришли»* [2].

Во исполнение государственного веления во многих поселениях на Русском Севере были построены гостиные дворы, в некоторых, например в Вологде – даже несколько. В XVI–XVII вв. они существовали в Коле, в Холмогорах, Верховажье и других местах [13. С. 23, 28, 132]. Относительно Архангельска было издано распоряжение, чтобы *«однолично приезжие люди мимо гостиных дворов нигде не ставились и особняков дворов и амбаров, oprичь аглинских гостей и галланцев, которым по имянным государевым грамотам велено держать свои дворы и амбары, ни у кого не*

было» [36. С. 204–205]. Здесь в связи с активной внешнеторговой деятельностью с 1587 г. существовали принадлежащие казне русский и немецкий, т.е. иностранный, деревянные гостиные дворы со множеством государственных и частных помещений *«на поклажу товаров»*.

В 1667, 1668 и 1670 гг. в Архангельске в колоссальных пожарах они сгорели. В первые недели после этого купец П. Марселис предложил московским властям отстроить новые. Все дальнейшее строительство в 1668–1684 гг. самых больших в то время в России каменных гостиных дворов велось при высочайшем одобрении и обошлось примерно в 120 тыс. руб. [41. С. 177–179]. Комплекс включал в себя русский гостиный двор (106 торговых помещений), немецкий гостиный двор (110 помещений), крепость между ними и 6 башен. То есть предназначался для выполнения не только торговой, но и оборонительной функций. В комплексе, помимо общих построек, магазинов (складов) и лавок, где во время ярмарок русские купцы выставляли товары, находились православная церковь, «съезжая изба» (приказная, канцелярия воеводы), «двор воеводы» (государев двор), тюрьма и пороховой погреб. За крепостью в лицевой части немецкого гостиного двора располагалась таможня [35. С. 140–141]. По словам Балтазара Койэта, одного из членов свиты голландского посла Кунрата Кленка, в 1675 г. все товары, приходившие в Архангельск по реке или морю, должны были заноситься в русский гостиный двор *«так, чтобы снаружи не оставалось ничего, кроме одного образца. Каждый купец, который в Архангельске или на Архангельск торговлю ведет, имеет там весьма малю денег платит»* [Там же. С. 141].

Таким образом, единого консолидированного акта, касающегося организации гостиных дворов и проведения там торговли, во второй половине XVII в. не существовало. В связи с этим в разных посадах имели место особенности, установленные либо центральной властью, либо местной при санкционировании правительства, либо местными обычаями.

Ценовое и товарное регулирование, транспортровка грузов

В то же время можно утверждать, что не во всех мерах по регулированию торговли прослеживается исключительно фискальный интерес. Например, ограничение продаж в субботу, воскресенье и духовные праздники было связано с религиозными представлениями русских людей [2. С. 21, 718–719; 3. С. 638–639]. Предпринимались попытки запретить скупку и спекуляцию съестными припасами, особенно хлебом [3. С. 325–329]. Боярский приговор 1694 г. запрещал под страхом *«жестокото наказания и вечного разорения»* перекупать привозимые крестьянами товары: *«скупчики, складчики и кулатчики»* у *«приезжих торговых людей, сложася, мяс, и рыбы, и сена, и золы, и дров, и хлеба... большими статьями для своих прибылей и прихотей не скупали»* [4. С. 171–172]. Распоряжения властей устанавливали «указные» (регулируемые) цены, прежде всего, на хлеб, что вызы-

вало явное недовольство продавцов. Естественно, прекратить спекуляцию одними правовыми средствами было невозможно, а экономические были еще не развиты.

В Новоторговом уставе 1667 г. уже в общем виде отразилось правило о необходимости хорошего качества продаваемого товара иностранного и российского производства, правильном его измерении. Данная норма была принята в ответ на участвовавшие случаи импорта плохого товара, который продавался по высокой цене. В дальнейшем регулирование качества развивалось более конкретно применительно к отдельным видам товаров.

Развитие внешней торговли Московского государства зависело в большой мере от возможности отправлять товары за границу на собственных судах. Пользуясь иностранными кораблями, русские торговые люди тратили большие деньги для оплаты услуг перевозчиков и, соответственно, мало присутствовали на европейском рынке. В XVI–XVII вв. на севере России было довольно развитое каботажное торговое сообщение с Норвегией, куда поморы возили свои товары. В 1570 г. Строгановы основали в северодвинской Соломбале судостроительную верфь для постройки торговых и промысловых судов [30. С. 370].

Мысли о собственном торговом флоте, портах и эффективности внешней торговли занимали московских монархов задолго до Петра I. В 1581 г. по указу Ивана Грозного на острове Соломбала соорудили небольшую верфь. В 1602 г. по указу Бориса Годунова на ней было построено 15 морских судов [42. С. 13]. Во второй половине XVII в. Алексей Михайлович предпринял неудачную попытку организовать казенное судостроение. А.Л. Ордин-Нашекин отстаивал идею о необходимости создания русского купеческого флота и был поставлен царем во главе «корабельного дела». По царскому указу 1667 г. на верфи в подмосковном селе Дединове предполагалось построить несколько судов для защиты торговых интересов русских купцов на Каспийском море, однако эта идея практически не была реализована [11. С. 46]. В дальнейшем вопрос о русском судоходстве оставался без внимания вплоть до начала правления Петра I.

Развитие отечественной торговли зависело в большой мере и от возможности доставлять товары в различные места России. Во второй половине XVII в. главными путями сообщения оставались водные, среди которых основным был путь Москва–Архангельск протяженностью 1 500 верст (примерно 1 600 км). Из столицы обычно зимой товары отправлялись санным путем до Вологды. Там они хранились на складах до вскрытия рек. С наступлением тепла они доставлялись стругами по Сухоне до Устюга, а от Устюга по Двине вниз к Архангельску. Активное движение по «Великому северному речному пути» стимулировало развитие Вологды, так как именно этот город был перевалочным пунктом с сухопутного тракта на водную артерию. Для перевозки грузов только между Вологдой и Архангельском в XVII в. требовались тысячи речных судов разной

грузоподъемности, а общий грузооборот составлял 2–3 миллиона пудов [43. С. 4].

Издержки на перевозку товара существенно увеличивали его стоимость и делали его часто недоступным широкому кругу покупателей. Ситуация хорошо прослеживается на следующем примере. В конце XVII в. стоимость провоза одного пуда товаров от Москвы до Архангельска составляла 19 коп., в то время как стоимость одного пуда ржи в центре России составляла 1,25 коп. [15. С. 26].

Естественно, раньше и быстрее других товаров доставлялись купленные в Архангельске для царского обихода, ибо их возили на ямских и земских подводах. Большие расстояния, малочисленность населения, дорогой и небезопасный перевоз товаров, в конечном итоге, сдерживали развитие всероссийского рынка и внутренней торговли. Однако на Русском Севере эти негативные факторы сглаживались постоянным внешнеторговым спросом на экспортные товары и более высоким уровнем вовлеченности населения в рыночные отношения, в производство товаров, в сферу услуг.

Правительство практически не заботилось о состоянии путей сообщения. В Соборном Уложении 1649 г. видна попытка хотя бы частично решить этот вопрос. В главе IX «О мытах, и о перевозех, и о мостах» были регламентированы сбор проезжих пошлин и обеспечение сохранности и благоустройства сухопутных и водных путей. Если обязанные лица будут собирать «*мыто, перевоз и мостовщину*» при неудовлетворительном состоянии путей, то должны компенсировать торговым людям убытки, возникшие из-за проблем с дорогой.

В то время обсуждался проект сооружения канала для соединения Белого моря с Волгой. Кроме того, частично внимание уделялось организации ямской службы и регулярного почтового сообщения, но в основном для государственных, а не частных нужд. 8 июня 1693 г. был издан именной указ об учреждении почты от Москвы до Архангельска для пересылки как царских актов, так и торговой корреспонденции [4. С. 158–159].

Заключение

Рассмотрев правовые и организационные основы торговой деятельности во второй половине XVII в., можно констатировать прежде всего более четкое оформление статуса торгующего населения.

Торговый протекционизм второй половины XVII в. стал совпадением государственных политических, финансовых интересов и потребностей верхушки русского купечества как экономической опоры царской власти. Законодательство постепенно вытесняло иностранных коммерсантов в порубежные города, устанавливало повышенные размеры платежей, новые ограничения и запреты в данной отрасли. В то же время для поддержания внешнеэкономической активности им гарантировалось строгое соблюдение законодательства, защита от злоупотреблений. Правовое положение торговых иноземцев в основном устанавливалось российскими актами, а также небольшо-

численными международными соглашениями и нормами обычного права. Выдаваемые им царские жалованные грамоты были действенным инструментом осуществления экономических и политических задач.

Во второй половине XVII в. не было четкой системы управления торговыми делами, не существовало соответствующего единого административно-судебного учреждения. Больше четкости было в организации таможенного дела ввиду его прямой

связи с обеспечением государственных фискальных интересов.

В исследуемый период не существовало общероссийских актов, устанавливавших единые организационные основы торговли. Организация рыночных отношений на Русском Севере, кроме ряда актов, посвященных наиболее значимым ярмаркам, объектам инфраструктуры, товарам и т.п., во многом определялась установившимися нормами обычного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулакова И.П. «Москвичи торговые люди» конца XVI – начала XVII вв. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. 1994. С. 85–92.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Т. I. 1649–1675. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 1. С. 21, 55, 113–114; № 80; № 107. С. 302–305; № 301. С. 539; № 366. С. 603; № 408. С. 677–691, 688; № 414. С. 718–719.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Т. II. 1676–1688. 8. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 873. С. 320–325; № 874. С. 325–329; № 976. С. 485; № 993. С. 500; № 1089. С. 638–639; № 1129. С. 675–677; № 1193. С. 79.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Т. III. 1689–1699. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 1330; № 1332; № 1356. С. 43–44; № 1409. С. 111; № 1458. С. 148; № 1470. С. 158–159; № 1480. С. 171–172; № 1520. С. 209–210; № 1686. С. 614–615.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Т. IV. 1700–1712. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. № 3056. С. 483–484.
6. История предпринимательства в России: Кн. 1. От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 7.
7. Ионичев Н.П. Внешние экономические связи России (IX – начало XX века) : учеб. пособие для вузов. М., 2001. 247 с.
8. Костомаров Н.И. Очерк истории торговли Московского государства в XVI и XVII ст. СПб., 1862. 302 с.
9. Лаппо-Данилевский А.С. Промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899. 126 с.
10. Гайнутдинов Р.К. Государство и купечество в России в XVI – первой половине XVII: время создания предпосылок правового регулирования торгово-промышленных отношений // Lex Russica. 2005. № 4. С. 679–685.
11. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. 592 с.
12. Белов М.И. Россия и Голландия в последней четверти XVII века // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика, культура). М., 1966. С. 58–83.
13. Булатов В.Н. Русский север. Кн. 3: Поморье (XVI – начало XVIII в.). Архангельск, 1999. 336 с.
14. Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб., 2006. 472 с.
15. Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М., 1997. 160 с.
16. Goldin V.I., Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? // Bylye Gody. 2015. Vol. 37, is. 3. P. 519–535. WOS:000364784300007.
17. Zaikov K.S., Tamitskiy A.M. Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900 // Bylye Gody. 2017. Vol. 44, is. 3. P. 915–927. WOS:000416765900020; EID: 2-s2.0-85028932118.
18. Захаров В.Н., Черкасова М.С. Иностранцы купцы и их дворы в Вологде в XVII – первой четверти XVIII века // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 3. С. 97–132.
19. Булгаков М.Б. Деятельность западноевропейского купечества в городе Вологде в первой половине XVII века // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда : Легия, 2003. Вып. 4. С. 22–37.
20. Смирнов П. Новое челобитие московских торговых людей о высылке иноземцев. Киев, 1912. 39 с.
21. Базилевич К.В. Коллективные челобития торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд-ние обществ. наук. 1932. С. 91–123.
22. Черкасова М.С. О деятельности торговых иноземцев в Вологде в XVII – начале XVIII // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен: сб. ст. / гл. ред. Г.В. Судаков. Вологда, 2002. С. 327–340.
23. Орленко С.П. История торговли : учеб. пособие. М., 2006. 352 с.
24. Репин Н.Н. Внешняя торговля через Архангельск и внутренний рынок России во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. 411 с.
25. Репин Н.Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. (Архангельский и Петербургский порты). Омск, 1989. С. 81.
26. Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII в. // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 288.
27. Московский коммерческий суд. Очерк истории Московского коммерческого суда (1833–1908) и его современные деятели / под ред. Н.А. Победоносцева, Т.М. Годзевича. СПб., 1909. 218 с.
28. Российское законодательство X–XX веков. М. : Юридическая литература, 1986. Т. 4. 512 с.
29. Хачиров Р.Б. Коммерческие суды в России: правовые идеи и противоречия организации в допетровский период // Администратор суда. 2008. № 1. С. 44–46.
30. Экономическая история мира. Европа / под общ. ред. М.В. Конотопова. М., 2004. 634 с.
31. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права / по изданию 1914 г. М., 1994. 335 с.
32. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 115, 125, 449; Оп. 2. Д. 44, 60, 70.
33. Мерзон А.Ц. Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. 715 с.
34. Тимошина Л.А. Расселение гостей, членов гостинной и суконной сотен в русских городах XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. 1994. С. 117–151.
35. Велувенкамп Я.В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. 328 с.
36. Кулишер И.М. История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003. 576 с.
37. Котилайне Я.Т. Борьба за русский рынок: голландские купцы в Архангельске и на Балтике в конце XVII столетия // Нидерланды и Северная Россия : сб. науч. ст. СПб., 2003. С. 77–80.
38. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. С. 389.
39. Шаскольский И.П. О деятельности шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1984. Вып. 2 (12). С. 188–193.

40. Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. 432 с.
 41. Двинской летописец. Пространная редакция // Полное собрание русских летописей. Л., 1977. Т. 33. С. 177–179.
 42. Быховский И.А. Архангелогородские корабли. Архангельск, 1988. 176 с.
 43. Колесников П.А. Северная Русь (XVIII столетие). Вологда, 1973. 228 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 июня 2018 г.

Political and Legal Aspects of Trade with the Participation of Foreigners in the Russian North in 1645–1696

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 447, 147–157.

DOI: 10.17223/15617793/447/18

Maksim Yu. Zadorin, Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation).

E-mail: m.zadorin@narfu.ru

Maria S. Molodtsova, Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation).

E-mail: m.pavshinskaya@narfu.ru

Keywords: Russian North; trade; history; right; trading foreigners; Novotorgovy Charter; trade fairs.

The article analyzes the political and legal aspects of trade with foreigners in the Russian North in the 17th century. The aim of the article is to identify the specifics of the development of the norms that regulated trading activity in Russia at the end of the 17th century and establish peculiarities of its implementation in the Russian North, with the participation of foreigners. A wide range of historical and legal literature on relevant topics as well as data from the State Archive of Arkhangelsk Oblast were used. The methodological basis of the research is a complex of general scientific and specific legal methods, in particular, a systematic method, analysis, synthesis and generalization. A formal legal method was also used for analyzing the legal acts of the Russian state, interstate treaties and other sources. A historical legal method allowed considering the formation and development of a multilateral regulation of trading activities in a chronological aspect taking into account regional features. During the research, (1) merchants of pre-Petrine Rus were classified, their relationship with the authorities and officials was revealed; (2) specific privileges and restrictions for foreigners through “charters” were determined; (3) the features of price and tariff regulation for Russian and foreign merchants, as well as trade conflicts with foreigners, were disclosed; (4) the role of the customs and the judicial sector in the regulation of trade was noted; (5) the formation of the banking system and of the rudiments of market relations in the Russian North was revealed; (6) features of the functioning of fairs and trades were established; (7) the role of guest houses as a fiscal control system was determined; (8) the logistics system of the Russian North which had an impact on trade relations was described. The article concludes that trade protectionism in the second half of the 17th century became a coincidence of the political and financial interests of the state and of needs of the top of the Russian merchant class as an economic pillar of the tsarist power. The laws gradually supplanted foreign merchants to frontier cities, set higher payments, new restrictions and bans in the industry. At the same time, to maintain foreign economic activity, merchants were guaranteed strict compliance with the law, protection from any abuse. The legal status of foreign traders was mainly established by Russian domestic acts, as well as by a few international agreements and customary laws. In the second half of the 17th century, there was no clear system of managing commercial affairs and no corresponding single administrative and judicial institution. During the period under review, there were no all-Russian acts that established common organizational bases for trade, and the organization of market relations in the Russian North was largely determined by the established norms of customary law.

REFERENCES

1. Kulakova, I.P. (1994) “Moskvichi torgovye lyudi” kontsa XVI – nachala XVII vv. [“Muscovites trading people” of the late 16th – early 17th centuries]. In: Timoshina, L.A. (ed.) *Torgovlya i predprinimatel'stvo v feodal'noy Rossii* [Trade and entrepreneurship in feudal Russia]. Moscow: Arkheogr. Tsentr. pp. 85–92.
2. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. I. 1649–1675. Is. 1. St. Petersburg Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 21, 55, 113–114.
3. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. II. 1676–1688. Is. 873. St. Petersburg Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 320–325.
4. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. III. 1689–1699. Is. 1330. St. Petersburg Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
5. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Vol. IV. 1700–1712. Is. 3056. St. Petersburg Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. pp. 483–484.
6. Bovykin, V.I. et al. (2000) *Istoriya predprinimatel'stva v Rossii* [History of entrepreneurship in Russia]. Book 1. Moscow: ROSSPEN.
7. Ionichev, N.P. (2001) *Vneshnie ekonomicheskie svyazi Rossii (IX – nachalo XX veka)* [Foreign economic relations of Russia (9th – early 20th centuries)]. Moscow: Aspekt Press.
8. Kostomarov, N.I. (1862) *Ocherk istorii torgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII st.* [An outline of the history of trade in the Moscow state in the 16th and 17th centuries]. St. Petersburg: izdanie Nikolaya Tiblena.
9. Lappo-Danilevskiy, A.S. (1899) *Promyshlennye i torgovye kompanii v pervoy polovine XVIII stoletiya* [Industrial and trading companies in the first half of the 18th century]. St. Petersburg: tip. V.S. Balashev i Ko.
10. Gaynutdinov, R.K. (2005) Gosudarstvo i kupechestvo v Rossii v XVI – pervoy polovine XVII: vremya sozdaniya predposylok pravovogo regulirovaniya torgovo-promyshlennykh otnosheniy [The state and merchants in Russia in the 16th – first half of the 17th cc.: the time of creating prerequisites for the legal regulation of commercial and industrial relations]. *Lex Russica*. 4. pp. 679–685.
11. Pavlenko, N.I. (1990) *Petr Velikiy* [Peter the Great]. Moscow: Mysl'.
12. Belov, M.I. (1966) Rossiya i Gollandiya v posledney chetverti XVII veka [Russia and Holland in the last quarter of the 17th century]. In: Beskrovnyy, L.G. (ed.) *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v XVII–XVIII vv. (Ekonomika, politika, kul'tura)* [International relations of Russia in the 17th–18th centuries (economics, politics, culture)]. Moscow: Nauka. pp. 58–83.
13. Bulatov, V.N. (1999) *Russkiy sever* [Russian north]. Book 3. Arkhangelsk: M.V. Lomonosov Pomor State University.
14. Shumilov, M.M. (2006) *Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnyye etapy razvitiya (IX–XVII vv.)* [Trade and customs in Russia: formation, main development stages (9th–17th centuries)]. St. Petersburg: Nauka.
15. Galagan, A.A. (1997) *Istoriya predprinimatel'stva rossiyskogo. Ot kuptsa do bankira* [History of Russian entrepreneurship. From merchant to banker]. Moscow: Os'-89.

16. Goldin, V.I., Zaikov, K.S. & Tamitskiy, A.M. (2015) Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye Gody*. 37 (3). pp. 519–535. (In Russian).
17. Zaikov, K.S. & Tamitskiy, A.M. (2017) Lapp Crafts in the History of the Russian-Norwegian Borderland in 1855–1900. *Bylye Gody*. 44 (3). pp. 915–927. (In Russian). DOI: 10.13187/bg.2017.3.915
18. Zakharov, V.N. & Cherkasova, M.S. (2000) Inostrannye kuptsy i ikh dvory v Vologde v XVII – pervoy chetverti XVIII veka [Foreign merchants and their yards in Vologda in the 17th – first quarter of the 18th centuries]. In: Beznin, N.A. (ed.) *Vologda: Kraevedcheskiy al'manakh* [Vologda: A Local History Almanac]. Is. 3. Vologda: Legiya. pp. 97–132.
19. Bulgakov, M.B. (2003) Deyatel'nost' zapadnoevropeyskogo kupechestva v gorode Vologde v pervoy polovine XVII veka [The activities of the West European merchants in Vologda in the first half of the 17th century]. In: Beznin, N.A. (ed.) *Vologda: Kraevedcheskiy al'manakh* [Vologda: A Local History Almanac]. Is. 4. Vologda: Legiya. pp. 22–37.
20. Smirnov, P. (1912) *Novoe chelobit'e moskovskikh torgovykh lyudey o vysylke inozemtsev* [New petition of Moscow merchants about the expulsion of foreigners]. Kiev: tipografiya T. G. Meynandera.
21. Bazilevich, K.V. (1932) Kollektivnye chelobit'ya torgovykh lyudey i bor'ba za russkiy rynek v pervoy polovine XVII v. [Collective petitions of trading people and the struggle for the Russian market in the first half of the 17th century]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. 7. Otd-nie obshchestv. nauk*. pp. 91–123.
22. Cherkasova, M.S. (2002) O deyatel'nosti torgovykh inozemtsev v Vologde v XVII – nachale XVIII [On the activities of commercial foreigners in Vologda in the 17th – early 18th centuries]. In: Sudakov, G.V. (ed.) *Russkaya kul'tura na rubezhe vekov: Russkoe poselenie kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Russian culture at the turn of the century: Russian settlement as a sociocultural phenomenon]. Vologda: Knizhnoe nasledie. pp. 327–340.
23. Orlenko, S.P. (2006) *Istoriya torgovli* [History of trade]. Moscow: Forum: INFRA-M.
24. Repin, N.N. (1970) *Vneshnyaya torgovlya cherez Arkhangel'sk i vnutrenniy rynek Rossii vo vtoroy polovine XVII – pervoy chetverti XVIII v.* [Foreign trade through Arkhangelsk and the domestic market of Russia in the second half of the 17th – first quarter of the 18th centuries]. History Cand. Diss. Moscow.
25. Repin, N.N. (1989) *Vneshnyaya torgovlya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii v XVIII v. (Arkhangel'skiy i Peterburgskiy porty)* [Foreign trade and socio-economic development of Russia in the 18th century (Arkhangelsk and Petersburg ports)]. Omsk: Omsk State University.
26. Kotoshikhin, G. (1984) O Moskovskom gosudarstve v seredine XVII v. [On the Moscow state in the middle of the 17th century]. In: Labyntsev, Yu.A. (ed.) *Russkoe istoricheskoe povestvovanie XVI–XVII vekov* [Russian historical narration of the 16th–17th centuries]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
27. Pobedonostsev, N.A. & Godzevich, T.M. (ed.) (1909) *Moskovskiy kommercheskiy sud. Ocherk istorii Moskovskogo kommercheskogo suda (1833–1908) i ego sovremennyye deyatel'i* [Moscow Commercial Court. Essay on the history of the Moscow Commercial Court (1833–1908) and its contemporary agents]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg.
28. Man'kov, A.G. (ed.) (1986) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10th–20th centuries]. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
29. Khachirov, R.B. (2008) Kommercheskie sudy v Rossii: pravovyye idei i protivorechiya organizatsii v dopetrovskiy period [Commercial courts in Russia: legal ideas and contradictions of the organization in the pre-Petrine period]. *Administrator suda*. 1. pp. 44–46.
30. Konotopov, M.V. (ed.) (2004) *Ekonomicheskaya istoriya mira. Evropa* [The economic history of the world. Europe]. Moscow: Dashkov i K°.
31. Shershenevich, G.F. (1994) *Uchebnyy torgovogo prava* [The textbook of commercial law]. Reprint of the 1914 edition. Moscow: Spark.
32. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Fund 1025. List 1. Files 115, 125, 449.
33. Merzon, A.Ts. & Tikhonov, Yu.A. (1960) *Rynek Ustyuga Velikogo v period skladyvaniya vserossiyskogo rynka (XVII vek)* [Market in Veliky Ustyug during the establishment of the All-Russian market (17th century)]. Moscow: USSR AS.
34. Timoshina, L.A. (1994) Rasselenie gostey, chlenov gostinoy i sukonnoy soten v russkikh gorodakh XVII v. [Housing of guests, members of gostinaya and sukonnaya sotnyas in Russian cities of the 17th century]. In: Timoshina, L.A. (ed.) *Torgovlya i predprinimatel'stvo v feodal'noy Rossii* [Trade and entrepreneurship in feudal Russia]. Moscow: Arkheogr. Tsentr. pp. 117–151.
35. Veluvenkamp, Ya.V. (2006) *Arkhangel'sk. Niderlandskie predprinimateli v Rossii. 1550–1785* [Arkhangelsk. Dutch businessmen in Russia. 1550–1785]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
36. Kulisher, I.M. (2003) *Istoriya russkoy torgovli i promyshlennosti* [History of Russian trade and industry]. Chelyabinsk: Sotsium.
37. Kotilayne, Ya.T. (2003) Bor'ba za russkiy rynek: gollandskie kuptsy v Arkhangel'ske i na Baltike v kontse XVII stoletiya [The struggle for the Russian market: Dutch merchants in Arkhangelsk and the Baltic at the end of the 17th century]. In: Bespyatykh, Yu.N. et al. (eds) *Niderlandy i Severnaya Rossiya* [The Netherlands and Northern Russia]. St. Petersburg: Blits. pp. 77–80.
38. Anon. (1813) *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov* [Collection of state letters and treaties]. Vol. 1. Moscow: Tip. Vsevolozhskogo.
39. Shaskol'skiy, I.P. (1984) O deyatel'nosti shvedskogo gostinogo dvora v Novgorode v XVII v. [On the activities of the Swedish guest house in Novgorod in the 12th century]. In: *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* [Novgorod historical collection]. Is. 2 (12). pp. 188–193.
40. Chechulin, N.D. (1889) *Goroda Moskovskogo gosudarstva v XVI veke* [Cities of the Moscow state in the 16th century]. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
41. Lur'e, Ya.S. & Serbina, K.N. (eds) (1977) *Dvinskoy letopisets. Prostrannaya redaktsiya* [Dvinsky chronicle. Full edition]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 33. Leningrad: Nauka. pp. 177–179.
42. Bykhovskiy, I.A. (1988) *Arkhangelogorodskie korabely* [Arkhangelogorod shipbuilders]. Arkhangelsk: Knizhnoe izdatel'stvo.
43. Kolesnikov, P.A. (1973) *Severnaya Rus' (XVIII stoletie)* [Northern Russia (18th century)]. Vologda: [s.n.].

Received: 11 June 2018